

ДМИТРИЙ ШПИЛЁВ

ТАЙГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Шпилёв

Тайга

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шпилёв Д.

Тайга / Д. Шпилёв — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Одержимый ненавистью от измены, эмоционально выгоревший от неудачного брака Ефрем жестоко убивает свою жену. Он пытается избавиться от расчленённого тела, но по воле случая его тайна становится известна. Не желая даваться в руки правоохранительных органов, Ефрем находит только один выход из сложившейся ситуации - бежать и скрываться в тайге. Годы одиночества и изоляции от мира делают его безумцем. Единственное, что помогает ему выжить в суровых диких условиях - убийство и поедание случайных людей...Книга содержит сцены особо жестокого насилия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	13
5	16
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Шпилёв. Тайга.

Посвящается Л.

1

«С одной стороны – да, почти сирота, и кому там до неё дело. Но ведь жалко, что и так жизнь не сложилась, за неудачника вышла и гниёт здесь. С другой стороны – ты сама не гнилая?» – сегодняшним днём дурные мысли окончательно съели голову Ефрему, и он не мог больше этого терпеть. В этот раз он возвращался домой не с пустыми руками, а прихватил с лесопилки тяжёлый топор с длинным топорщиком для стёсывания сучьев на бревнах. Чтобы большой предмет не сильно бросался в глаза, он решил спрятать его в белый капроновый мешок.

С каждым шагом топорщик неприятно отбивало по почкам. Ефрем раздраженно рванул его и перекинул мешок на другое плечо. Потом он закурил, вслушался в шум ветра, гуляющего по разбитым чердачным окнам. Ему подумалось, что через центральную улицу лучше не идти. Всё дальше от работы он пробирался огородами, мимо заборов, к своему дому.

«И да, ладно бы сказала, и чёрт с ней, и пусть. Но молчит же, и лицо такое невинное, такая хорошенькая, а я... Сука! Ладно. Так не доставайся же ты никому!» – снова с негодованием подумал Ефрем и ускорил шаг.

Липкая коричневая грязь громко зачавкала под подошвами сапог, и Ефрем понял, что сегодня домой он опять придёт грязным, как это случается в его маленьком таёжном городе каждую весну, как только начинает таять снег.

Оказавшись снова на дороге, он зашёл в магазин и купил бутылку пива, чтобы унять усиливающуюся дрожь в руках. Ветер почти утих. Редкие фонари скудно освещали кривую улицу, а со стороны дворов деревянных двухэтажных барачных строений непрерывно лаяли собаки.

Вся эта однообразная суета, вся эта дрожь и вечное беспокойство тормозили ощущение самого себя в пространстве и времени, которого зачастую за этой суетой не замечаешь. Наверное, это и даёт всем людям то самое успокаивающее ощущение стабильности в жизни.

Пустая бутылка осталась торчать в посеревшем сугробе, а человек с мешком за плечом свернул к своему кособоким баракам.

– Женька! – крикнул он своей жене после того как обил о порог снег и начал развязывать мешок. – Иди сюда, покажу тебе чего.

– Я занята! – послышался из ванной писклявый голосок жены, от которого Ефрем недовольно поморщился и только утвердился в своей решительности сделать задуманное.

– Ну, выйди на минуту! – упрашивал он, доставая из мешка топор.

– Чего надо тебе?

– Разговор есть.

– Подождёшь со своими разговорами, – отозвался высокий голос.

– Сюда вышла! – злобно прошипел муж, стараясь громко не кричать.

– Ой, иди-ка нахуй! – крикнула Женька и сильнее открыла душевой кран.

– Ладно, – вздохнул Ефрем, разулся и прошёл в коридор к закрытой двери ванной комнаты. Он протянул руку к круглой потёртой ручке, но та не поддавалась.

– Куда ломишься, урод?! – послышался крик жены. – Я моюсь, до тебя не дошло?

Ефрем не стал отвечать. Он хорошенько замахнулся и сбил обухом топора ручку на двери. Женька от страха вскрикнула. Следующим движением Ефрем вогнал остриё топора в дверную щель и выломал её. Жена стояла перед ним в футболке, трусах и, видимо, наводила марафет на лице. Чтобы она не кричала, Ефрем обвил её голову своей рукой и заткнул ладонью рот. Он выволок свою жену из ванной, протащил по коридору в угловую комнату квартиры и кинул о стену. Крик жены раздражающе полоснул по ушам. Желая побыстрее его пресечь, Ефрем крепче замахнулся и изо всех сил ударил стальным остриём, метя Женьке в грудь. Она успела прикрыться рукой, и лезвие топора только перебило кисть и отпружинило обратно. Может, Женька закричала бы ещё сильнее, но от сильного удара у неё спёрло дыхание, и крик на время захлебнулся.

«Вот так вот и давай этим бесам топоры, – устало вздохнул про себя Ефрем. – Только на прошлой неделе затачивал. Гвозди ими рубят, что ли? Инструмент весь позатупят, потом маши-пляши с этими топорами».

Ефрем ударил обухом топора по второй кисти, чтобы не мельтешила, развернул топор и замахнулся снова. На этот раз удар перебил ключицу и вошёл глубоко под шею. Женька глухо захрипела, выхаркнула кровавый сгусток и попыталась обхватить обух топора перебитыми руками. В её поднятых на мужа глазах была мольба, горечь и беспросветная грусть.

Ефрем вспомнил прошлое и в какой-то момент почувствовал жалость. Он вспомнил, как несколько лет назад делал своей любимой Женьке предложение, и она смотрела на него такими же невинными, немного жалостливыми и растроганными глазами. Где всё это? Ушло куда-то далеко и навечно, и больше никогда не видать ему её искреннего, милого взгляда; лишь только презрение и усмешку.

Женька сползла по стене на колени в ангельскую позу – неподвижную, смиренную. Бить её снова в грудь в таком положении показалось Ефрему неудобным. Он откинул ногой круглый половичок под ногами, оголив старые половые доски с давно потёртой краской и широкими зазорами между ними. После испугался, что кровь жены через дощатые щели может просочиться на первый этаж и на секунду остановился в раздумьях.

– Посиди здесь, – отпустил он торчащий из груди топор и вышел в другую комнату. Женька продолжала громко сипеть и пускать по подбородку кровавую слюну. Ефрем снова зашёл в ванную комнату и содрал с перекладины занавеску, висящую в душевой. Эту занавеску он аккуратно расстелил на голый пол, затем снова взялся за топориче, протащил Женьку по полу спальни и положил её на душевую клеёнку.

«Теперь не страшно», – подумал Ефрем, наступил на грудь жены, вырвал из рёбер топор и замахнулся ещё раз.

Перед третьим замахом он ещё мог услышать какое-то шептание из уст жены, что-то вроде «не надо», «прошу», «больно», и тому подобная дребедень, которая вскоре замолкла окончательно. Ефрем понимал, что не стоило отвлекать своё внимание на подобные нежности, и коли уж начал делать дело, то стоит завершить его до конца, без страха и сожалений.

Вскоре дело было кончено. Женька уже не шевелилась, только закинула голову куда-то назад, как будто не желая видеть свою изуродованную, окровавленную и разрубленную грудь. Во время убийства Ефрему пришлось в голову совместить «приятное с полезным» – во время убийства заняться сразу и разделкой трупа. Удары по груди жены он стал наносить не хаотично, а специально квадратом, от ключиц, вокруг гру-

дей и до окончания рёбер, чтобы грудную клетку можно было аккуратно снять с туловища и осторожно вытащить через дыру все внутренние органы, не расплескивая при этом много крови.

Хруст грудной клетки жены напоминал Ефрему детство, когда он ездил с родителями на загородный участок. Тогда он сбивался в банды вместе с соседскими деревенскими мальчишками и совершал налёты на другие участки, где росли переревшие кабачки, смешные патиссоны, маленькие жёлтые арбузы и неподъёмные оранжевые тыквы. И какое-то было странное удовольствие в том, чтобы убежать с наворованным далеко, к заброшенной свиноферме, и бить о её стены эти переревшие овощи и ягоды, которые лопались с характерным звуком. Ефрему даже не было интересно получать адреналин от воровства чужого урожая. Хотелось только слушать этот звук – хрустящий, глухой, немного напоминающий хождение по морозному, скрипучему снегу.

Так было и сейчас – Женькин хруст вызвал приятные ассоциации с детством, и дрожь снова ушла. Ефрем улыбнулся и стёр красные росинки, прилипшие ко лбу. Он опустил топор на клеенку и устало сел на кровать. Тяжелая одышка и сердцебиение ещё долгое время не приходили в норму.

«Надо бросать курить, – подумал он с досадой, – так скоро и астма разовьётся». И всё же он закурил, рассматривая асимметричную, уже тронутую зрелостью, немного обвисшую грудь Женьки. Медлить было нельзя. Скоро должен был начаться футбол, а всю ночь заниматься избавлением от трупа совершенно не хотелось.

Весь грудной ливер Ефрем сбросил в пластиковый тазик. Он дождался, пока с него стечёт вся кровь, и ещё тёплую, не успевшую свернуться, слил её в унитаз. Длинную ленту кишок, пищеварительную и выделительную системы пришлось тоже долго и кропотливо выдавливать в помойное ведро и затем сливать в унитаз. Вся квартира наполнилась скверным запахом ферментированной кислотной кашицы желудка, кала и мочи. В некоторые моменты на Ефрема накатывала волна какого-то экзистенциального кризиса, лишь только стоило подумать, что это разделяемое мясо ещё полчаса назад что-то ему отвечало, жило, осозновало себя и красило своё лицо у зеркала в ванной. Ефрем старался не думать об этом. Мысли о реальности он снова заглушил приятными воспоминаниями из, казалось бы, совсем недавнего и неясного детства, где он ходил к соседям в деревне и смотрел как они режут свинью, смолят её щетинистые бока, обложив тушу соломой. А потом сосед вырезал и опустошал свиные потроха, вымывал их колодезной холодной водой из-под шланга, вываливал в таз к уже свернувшемуся багряному блину слитой крови. После соседский сын Антоха через весь большой двор нёс этот таз в хату, а его мать делала из этих свиных внутренностей ароматную кровяную колбасу, за которую он часто дрался со своим старшим братом.

Во время разделки свиные кишки всегда воняли. Но человеческие, казалось, воняют как-то сквернее, и оттого человек показался Ефрему более грязным и нечистоплотным животным, нежели какая-то свинья. Вопреки мнению большинства городских жителей, свиньи не едят что попало. Они отбрасывают всё гнилое и неприятное, в отличие от человека, который только с виду кажется чистым и приятно пахнущим, в то время как изнутри смердит так, будто умер уже давно, ещё на заре своей лихой и бурной юности.

Ещё тёплый, опустошённый труп своей жены Ефрем завернул в душевую штору, скинул её в ванную и залил ледяной водой. Опустошённая лента длинных внутренностей громко билась о железную тёрку барабана стиральной машины.

Ефрем понятия не имел, зачем он запустил деликатную стирку кишок с кондиционером. В какой-то момент ему показалось, что это позволит ему избавиться от неприятного запаха. Остальное терпело до завтра. Нужно было больше времени, чтобы быстрее избавиться от трупа, да и вообще придумать, как это можно сделать. На сегодня уже не осталось сил. Хотелось немного отдохнуть и посидеть у телевизора, но оставалось ещё одно дельце. Ефрема беспокоило, что на шум и крики мог прибежать сосед.

Четырёхквартирный двухэтажный короб старой постройки, казалось, пустовал. Можно сказать, что заселен он был наполовину. Прямо под квартирой Ефрема жила древняя глухая старушка, которую тот видел лишь пару раз в месяц, а в остальное время её как будто не существовало. Квартиру возле старушки съехавшие жильцы какое-то время сдавали, но сейчас она пустовала.

Но в соседней с Ефремом квартире жил Аким – одинокий мужчина средних лет. Был он каким-то неприятным, слишком добреньким подхалимом, немного дотошным, немного навязчивым. Тем не менее Ефрем поддерживал с ним какую-то видимость если не дружбы, то очень тесных и добрых соседских отношений. Вместе с Акимом Ефрем пару раз был на рыбалке, ходил осенью за грибами, и ещё до женитьбы они вместе ходили на занятия по спортивной стрельбе из лука. Ефрему стало страшно и жалко – себя или Акима, он ещё до конца не разобрался. Сверкнувший в руке нож был подоткнут под ремень за спиной. Глубоко вздохнув, Ефрем открыл дверь своей квартиры и вышел на лестничную площадку.

Стук в соседскую дверь не принёс никаких результатов, и у Ефрема немного даже отлегло – быть может, сосед ещё не пришёл с работы. А если вернулся? Мог ли он специально затаиться в своей комнате и не открывать?

Потом Ефрему подумалось: а что если шум, который он развёл в своей квартире не был настолько громким, чтобы побеспокоить кого-то из соседей?

Он аккуратно постучался снова. И снова в ответ была тишина.

«Быть может, он спит и ничего не слышал?» – опять подумал Ефрем, и тихо начал отходить от двери. На какое-то время последняя мысль насчёт соседа его успокоила.

2

Утром, ещё рассвет не успел запламенеть на заре нового дня, Ефрем открыл глаза. Через прорезь плотных штор в комнату проникал яркий свет уличного фонаря. Ефрем встал и прошёл в ванную умыться. Выпотрошенная Женькина туша томно вязла в розоватой холодной воде, словно застрявшая в густом желе. Левый глаз на её лице был приоткрыт и смотрел мутным зрачком в сероватую побелку потолка. На губах, как на стенках стакана с газировкой, осели мелкие воздушные пузырьки, а кончик тонкого носа лишь слегка выглядывал из воды. Зрелище было отчего-то удручающим и немного отталкивающим, и Ефрем пожалел, что не отмыл и не повесил вчера на место сорванную клеенчатую занавеску, чтобы оградить себя от воспоминаний о мертвой жене.

Всё ещё не веря до конца случившемуся, он глубоко вздохнул, сел на край ванны и стал рассматривать голое тело жены. Крышка её грудной клетки лежала в ногах. В фиолетовой внутренности, в разрезанной плоти живота медленно колыхалась тонкая плёнка внутренней оболочки полости. Тонкая рука с разрубленной кистью была придавлена бедром и лежала строго вдоль тела, как у стойкого солдата на посту. Вторая зависла в невесомости воды, прямо над лобком, как бы слегка неуверенно и неловко прикрывая срамную наготу между своих подогнутых ног.

На среднем пальце этой бледной руки тускло сияло потёртое золото обручального кольца. Кольцо было скромным, тонким и совсем обыкновенным – таким, которое только возможно было себе позволить на небольшой бюджет их тихой и скромной свадьбы. Кольцо не стоило оставлять на руке, и Ефрем решил его снять. Мёртвая тугая кожа, обтянувшая костяшки пальцев была неподатлива и груба, словно Ефрем брал в свою руку не что-то органическое и некогда живое, а искусственный пластик бездушного манекена, что одиноко стоит в магазинной витрине. Кольцо снялось легко. Наверняка она делала это регулярно, быть может, даже специально растянула его в ювелирной мастерской на полразмера больше. Ефрем положил золотое кольцо на подзеркальник и отпустил холодную руку, которая сразу же вернулась на своё место, закрыв обросшие трёхдневной щетиной узкие половые губы.

Ефрем проследил за движением её руки, и ему стало интересно, как после смерти и оцепенения плоти изменилась упругость и податливость стенок её влагалища. Одной рукой он аккуратно отодвинул неподатливую кисть, а средним пальцем второй стал медленно массировать основание её половых губ. Так же как и на пальцах, её плоть была холодна и безучастна. Это даже не казалось плотью, а напоминало изношенный резиновый сальник автомобиля, вроде бы и мягкий, но совершенно мертвый, плотный и крепкий. Ефрем надавил сильнее. Его ладонь стала медленно проходить между плотно стиснутых ног. Он нащупал вход во влагалище и стал медленно вводить в него палец. Мясная холодная прорезь не вызывала никаких чувств и эмоций. Ефрем вставил в эту прорезь палец до конца и слегка пошевелил им. Его взгляд случайно скользнул по разрезанной Женькиной брюшине. Он аккуратно отвёл её свободной рукой и увидел там, на месте отрезанной матки, в пустой и свободной от внутренностей полости выглядывающий кончик фаланги его среднего пальца. Ему стало противно и не по себе. Он вынул из Женьки палец, всполоснул руки холодной водой и ушёл на кухню поставить чайник.

Пока Ефрем пил чай, в его голову лезли дурные мысли. Он никак не мог придумать, как ему избавиться от трупа жены. Ещё вчера он решил, что сегодня вечером

незаметно принесёт с работы несколько ножовок, чтобы распилить тело и по частям вынести его на городскую свалку, либо закопать где-то далеко в лесу. Единственная дорога со двора его дома вела на проезжую часть, напротив которой стояло городское милицейское управление, на порожки которого часто выходили покурить люди в фуражках. Ефрем предался размышлениям и попытался предсказать несколько вариантов развития сценария и способов, как из них можно выйти:

– Здравия желаю, гражданин! Что в рюкзаке несёте?

– А это вас не должно касаться, товарищ майор!

«Нет, – подумал Ефрем. – Как-то грубо слишком получается. Может, вот так?»

– Здравия желаю! Что в рюкзаке?

– А вы с какой целью интересуетесь?

«Тоже не то. Наводит на какие-то подозрительные мысли».

– Что в рюкзаке несёте, гражданин?

– Да вот, к мамёнке иду, закуток попросила принести.

– А дайте-ка взглянуть!

«Да, попросить взглянуть он действительно может... Может быть, поступить хитро?»

– Товарищ, что в рюкзаке?

– А труп жены несу! Пилила меня шесть лет, теперь я её распилить решил, сложил аккуратно в рюкзак, несу в тайгу, закапывать.

– Хе-хе, шуточки мне здесь шутите? Всего доброго!

«А почему он решит, что я шучу шулки? Вдруг у него чувства юмора нет?»

Перебрав в голове несколько десятков подобных сценариев, Ефрем решил, что от тела нужно избавляться в домашних условиях и никаких крупных частей за пределы квартиры стараться не выносить.

На работу Ефрем пришёл раньше всех, чтобы так же незаметно вернуть отмытый с отбеливателем длинный топор, пока никто не заметил пропажи. Отперев рабочий цех, он погрузился в работу и стал ворочать оставленные на просушку доски в отапливаемом гараже. Через полчаса на работу подтянулись мужики. Во дворе застучали топоры. Под крышей ангара завизжал стальной круг настольной циркулярной пилы. К этому времени Ефрем уже обдумал примерный план действий и зашёл в кабинет к управляющему начальнику цеха попросить два дня отпускных по семейным обстоятельствам.

3

– Чем я могу вам помочь? – подошёл к Ефрему продавец в хозяйственном супермаркете, куда он зашёл после работы.

– Скажите, у вас есть что-нибудь едкое, чем можно было бы растворить органическую ткань?

– Да, у нас есть хорошее средство от засоров труб.

– Нет, не то... В канализационной трубе застряла крыса, мне надо бы залить сток хорошенько, чтобы тушку разъело.

Продавец задумался.

– Можно попробовать эту вот вещь. Ей можно размягчить ткань, и потом смыть в слив, но кости всё равно останутся.

– Это ничего. Я возьму сто бутылок.

– Большая крыса у вас, – удивился продавец.

– Я от клинингового агентства. Крупный заказ на склад фуража, там развелось всякого у них... – уклончиво отвечал Ефрем.

Продавец понимающе кивнул головой и повёл Ефрема на склад.

Конечно же, дома Ефрем не решился растворять всё тело сразу, а отрезал небольшой кусок от живота Женьки, кинул его в литровую банку и залил едкой жидкостью. Через пару часов жидкость вспенилась, образовав на своей поверхности толстую пленку выеденного жира. Волокна мышц немного набухли, стали пористыми, мягкими и легко разламываемыми, но полностью не растворились. Ефрем выругался и слил жижу в унитаз. Полностью растворять в ней всё тело было нельзя. Кишки с желудком такая дрянь тоже не разъест, а вот ливер попробовать можно. Резать мясо в тишине было скучно, и Ефрем на фоне включил радио с лёгкой, расслабляющей музыкой. За окном слышался шум двигателей проезжающих машин и громкое чириканье мелких птичек. Людей на улице в этот будний день почти не было. Лишь однажды проходила какая-то бабка с тележкой, да шарилась по дворовым мусоркам бродячая собака. Когда весь ливер был порезан, Ефрем снова выглянул в окно и увидел эту облезлую шавку, которая что-то выискивала в кустах прямо под его окнами.

«Съест или не съест? Если не будет есть, придётся вниз спускаться... А если съест? По-любому съест. Эти даже за кусок черствого хлеба перегрызутся», – подумал Ефрем, свистнул собаке и через форточку бросил на голые ветки кустов небольшой кусочек лёгкого. Собака принюхалась, тут же подхватила его пастью и начала жевать. Вслед за первым куском лёгкого он кинул и второй. Через минуту под окнами Ефрема возникла ещё одна дворняга, которой он выкинул кусок сердца. Уже совсем скоро под окнами бегала целая стая из восьми собак. Они вынюхивали пропахшие мясом кусты, снег у дороги и узкую тропку через двор. Многие поднимали морды вверх и голодно облизывались. Ефрем решил, что такая стая собак у его окон вызывает слишком много подозрений. Кормёжку надо прекращать. Он выкинул собакам ещё пару кусков и хотел уже закрыть окно, как услышал с улицы громкий старушечий голос.

– Вот зажрались, свиньи! Тут людям нечего есть! Лапы куриные на ужин варю, а они мясом собак бездомных кормят! Что ж ты делаешь, сынок? Если мясо тебе некуда девать, так выноси, я-то быстро его приспособлю!

Ефрем призадумался.

– Ливер будешь?

– Так это ж самое вкусное!

– Печень заберёшь?

– Ты ещё спрашиваешь? Сам бы попробовал котлетки из печёнки. Знаешь, какие вкусные? Да ты выноси! – спохватилась бабка, испугавшись, что если она сильно расхвалит вкусовые качества печени, но Ефрем решит готовить её сам и передумает ей отдавать.

– К подъезду подходи.

Ефрем наложил бабке в пакет печёнку и две почки в нагрузку – он понял, что те люди, которые едят варёные куриные лапки с магазина, всеядны. Он вышел из подъезда на крыльцо и наткнулся на соседа Акима, который курил под козырьком крыльца.

– Здорово! – протянул тот руку Ефрему.

– Привет, – уклончиво ответил Ефрем и поспешил сразу зайти на угол дома, чтобы сосед не увидел ничего лишнего, но из-за угла навстречу Ефрему уже бежала голодная бабка.

– Печень свиная-то? – громко прогундела она сразу как увидела Ефрема.

– Свиная, свиная, бабуль.. – тихо ответил он. – Пошли за угол, а то видишь, сосед вон, тоже хочет.

Бабка сразу всё поняла, закрыла свой рот и молча зашла за угол дома.

– Тебе ещё почки положил, вот, – протянул Ефрем ей черный пакет.

От счастья бабка начала благословлять Ефрема и кланяться ему в ноги за его щедрость и доброту.

– У тебя ж если будет ещё – больше не выкидывай! – строго пожурела его бабка на прощанье. – Если что, я на той улице живу, на Тимирязевской, дом двадцать. Спроси Ефимовну, меня там все знают!

Ефрем что-то сказал, отмахнулся от приставучей бабки и пошёл обратно домой.

– Никак свежину добрым людям раздаешь? – прищурился Аким и хитро, как-то подозрительно подмигнул Ефрему. Ефрем смутился, но виду не подал.

– В деревне на выходных был, свинью резали... – сочинял Ефрем на ходу. – Дал мне этого ливера кучу...

– Людям чужим, значит, раздаёшь, а со своим соседом поделиться западло, э? Мясо-то есть на продажу? Я бы вырезки у тебя взял, если со скидочкой предложишь, – снова подмигнул Аким.

– На продажу больше нет, – натянуто улыбнулся Ефрем.

– Эх, ты... – весело протянул Аким, предлагая Ефрему прикурить. – Как жена поживает? Работу не нашла?

– Всё хорошо, – уже не знал, что ответить Ефрем, сделал вид, что не заметил протянутой ему пачки и прошёл мимо Акима в подъезд.

4

Акима такая холодность соседа несколько даже оскорбила. Он ещё долго стоял на крыльце дома и размышлял, что могло послужить поводом для такого пренебрежительного общения Ефрема и решил, что тот всё же вспомнил про одолженный когда-то Акимом спиннинг, который тот уже было записал в список своих вещей.

«Надо вернуть», – подумал Аким и почувствовал заочную горечь от утраты такой хорошей, пускай и не его собственной, вещи.

«Нет, наверное, он с женой поссорился. А я тут причём?» – снова возмутился Аким и поднялся в свою квартиру.

В квартире Акима царил болезненный полумрак, полупустота и затхлость запущенного жилища. Съехавшая четыре года назад от него жена – учительница начальных классов – вывезла половину своей мебели, оставив в маленькой двушке протёртый диван, советскую стенку-приданое и старый кухонный стол с двумя стульями, на который Аким позже поставил компьютер с пожелтевшим от времени пластиком корпуса.

В пустых стенах спальни с обшарпанными обоями на полу стояла большая полка с давно засохшим фикусом. По углам стопки ученических тетрадей и дидактических материалов жены, которые за годы успели обрасти толстым слоем пыли. Аким их не трогал и вообще старался не заходить в эту комнату, чтобы не столкнуться с былым болезненным прошлым. Выкинуть весь хлам и ненужные оставленные вещи жены у него никак не доходили руки, поэтому вся его немногочисленная одежда ютилась в стенке по соседству со старыми женскими халатами, туфлями, платьями, полотенчиками и сервизами, которые Аким не знал как применить, и решил тоже оставить на всякий случай.

Попытки найти новую спутницу в своей жизни он на время отложил – сейчас было лень кого-то намеренно искать и делать усилия над собой во благо другого человека, в необходимости которых он не сомневался. Наученный горьким опытом, он решил больше не сталкиваться с новыми скандалами, притеснениями и лишениями, с которыми он столкнулся в брачной жизни. Пока. Для этого ещё будет время – все эти смены гардеробов, пустая трата денег, может быть горы перелопаченной литературы по психологии отношений, и что там ещё любят женщины... А пока хотелось плыть по течению и наслаждаться отведенным временем так, как хотелось именно ему, безо всякого влияния посторонних людей. В то же время такой ход собственных мыслей Акима крайне возмущал, и он даже объяснял сам себе, что уже вышел из того возраста, когда ему была интересна романтика и химия новых чувств, а растрачивание своих сил на подобные вещи дело пустое и неблагодарное. В подобной борьбе с самим собой и летели тихие годы Акима.

Чтобы с головой не окунуться в грязное болото собственной прокрастинации и тоски, Аким предпочитал заниматься делами своих соседей и коллег по работе в сервисном центре.

В ночь убийства Аким вернулся с работы пьяным и уставшим – у его коллеги родился сын, и он счёл просто непозволительным невежеством не обмыть это дело с виновником торжества в ближайшем шинке.

Приполз домой он поздно, после чего завалился на диван, включил телевизор и уже очень скоро бороздил бескрайние просторы своих непостижимых алкогольных снов. Шум в соседней квартире ненадолго вывел его из глубокой спячки. Аким

сначала не понимал, происходил этот шум в реальности или же звучал из динамиков телевизора. Впрочем, он давно уже привык к ссорам и скандалам соседей и не придавал им особого значения. Где-то в перерывах между сном и реальностью, тонкую грань между которыми Аким чувствовал с трудом, он услышал какой-то невнятный стук на лестничной площадке, и сначала не понял даже в чём дело, пока не постучали снова. В какой-то момент он даже всерьёз призадумался, что стучат действительно к нему. Даже если это действительно было так, то никому открывать посреди ночи он уж точно не собирался. Гостей он не ждал, всякие социальные и коммунальные службы не ходят по домам в столь поздний час, а значит, неизвестный стук в дверь можно было спокойно проигнорировать.

Уже ближе к утру Акима разбудила подкатившая к горлу тошнота, и он пошёл в туалет. Несовершенная система старых сообщающихся труб деревянных бараков имела свои минусы. При смыве нечистот в унитаз, смываемую воду из бачка, бегущую по канализационным трубам, иногда частично засасывало в канализационную систему соседней квартиры, поэтому Аким очень удивился, когда увидел, что вода в его туалете немного потемнела, окрасившись в бурый цвет. Времени на размышления не было. Аким опустошил свой желудок, смыл унитаз и пошёл на кухню выпить рассола. В окне ярко светили пластиковые плафоны, а на порожках противоположного здания одиноко курил дежуривший на участке суточник в синей фуражке. Всё ещё затуманенный разум Акима какое-то время выдавливал из себя клубок разрозненных мыслей, связанных с ночным шумом в соседней квартире, стуком в дверь неизвестных гостей и красноватой жидкостью в его унитазе. Впрочем, эти мысли позабылись им скоро.

Только ближе к вечеру, когда Аким уже полностью отошёл от мучавшего его похмелья, он вышел покурить и встретился с Ефремом, который рассказал ему, что привёз из деревни забитую свинью. В этот момент для него всё сразу встало на свои места.

«Точно. Ефрем стучался ночью, чтобы ливер мне предложить. А я не открыл... И почему я сейчас у него не спросил?»

Заварив чай на кухне, Аким встал у окна и подумал о жене Ефрема. Всё-таки, для Акима было в Женьке что-то свободное и независимое. Быть может, даже блядское, что вызывало в нём неподдельный интерес. Конечно же, интерес чисто околонаучный, психологический.

Аким вспоминал, как шесть лет назад, при его активнейшем участии, счастливые молодожёны заселились в это пусть и скромное, но зато своё, купленное в ипотеку, жильё. Аким тогда уговорил Ефрема, чтобы тот специально выбирал жилплощадь подешевле и постарее – через пару лет их дом планировали включить в программу расселения ветхого жилья, а они сами должны были обустроиться в новой панельной пятиэтажке в центре города, куда переселили бы жильцов с полуразваленных окраин.

На следующий год после покупки Ефремом квартиры, мэра города посадили за махинации и попил бюджета на строительстве. На память о посаженном градоначальнике и его жилищной программе в центре города остались только серые бетонные стены недостроенного дома, а новый глава города ограничился лишь тем, что перекрыл крыши нескольких старых бараков и поменял двери в подъездах.

Тогда Акиму тоже показалось, что отношения между ним и Ефремом несколько охладели, и ему стоило немалых усилий вернуть свою утраченную репутацию в глазах старого приятеля.

Пока Аким пытался восстановить эти самые подорванные отношения, романтика и большие надежды недавно заселившихся молодожёнов развеялись. Ушла короткая пора благополучной жизни. За соседскими стенами всё чаще вспыхивали ссоры и скандалы. Вскоре и жена Акима поняла, что личная жизнь соседей увлекает его куда больше, чем своя собственная. Какое-то недолгое время Аким погоревал об уходе жены, но потом спокойно вздохнул и даже порадовался тому, что его больше никто не пилит по всякой ерунде, и он может быть диким волком, одиноким странником среди этих сложных переплетений людских жизней. В некотором роде, подобный альтруизм наполнил жизнь Акима каким-то новым смыслом, и он даже было подумал, что наконец нашёл в нём себя.

Нет. Определённо, к Женьке его тянула не какая-то внутренняя животная натура, а исключительное желание посочувствовать её тяжкой доле, подставить под её голову своё крепкое мужское плечо, потому что Ефрем, хоть несомненно и был хорошим мужиком, но на роль примерного семьянина никак не годился.

А Аким, будь он подлым мерзавцем, наверняка бы мог составить реальную конкуренцию её мужу. Уж точно Женька позавидовала бы тонкой душевной организации Акима, когда б увидела на его комодке бережно хранимую свадебную фотографию, подаренную ему фотографом по случаю женитьбы Женьки и Ефрема. Аким признавал, что с этой очаровательной улыбкой, в этом белом, тонком – по фигуре – платье Женька была особенно хороша. Дабы ухмыляющаяся физиономия жениха не смущала его, Аким во время мастурбации заклеивал лицо Ефрема двумя кусочками синей изолянтной бумаги.

Конечно же, онанизмом Аким занимался лишь исключительно для того, чтобы поскорее сбросить постыдную похотливую листву, которая неизменно должна возникать у любого здорового мужчины к любой красивой девушке. Только после подобных процедур его разум освобождался от дурных мыслей, и он мог и дальше непредвзято изучать психологические и поведенческие особенности своей подопытной.

5

После очередного похода в магазин, Ефрем всё же решил купить собственную коллекцию ножовок и приступил к более серьёзным действиям. Весь оставшийся в его тазике ливер почти растворила едкая жидкость, и получившееся желе он порция за порцией смывал унитаза. Унитаз принимал Женькины потроха неохотно, часто давился и забивался, поэтому Ефрем решил, что растворённый ливер будет последней Женькиной частью, которую он спустит в унитаз.

Пилить останки уже не было тяжело, но на всё это уходила уйма времени и сил. Нужно было соскоблить с костей как можно больше мяса и сухожилий, аккуратно разрезать ножом все суставные связки и разобрать тело на отдельные составляющие. Пилить кости было делом очень долгим и неудобным, поэтому Ефрем решил пока оставить эту затею и разбирать тело по суставам при помощи острого ножа. Все освобождённые от мяса кости он скидывал обратно в ванну, которую залил кислотой и добавил отбеливателя, чтобы кость выглядела более эстетично.

Страшнее и непонятнее всего обстояли дела с головой. Мёртвое лицо жены с приоткрытыми губами и левым глазом выглядели пугающе. Он видел в них укор и начинал чувствовать свою вину за содеянное. Отделенный от головы ножовкой череп Ефрем побрил наголо и залил волосы кислотой. Снимать с черепа мясо он начал от шеи. Ножом он выскоблил ошмётки из нижней челюсти и вырвал длинный язык, пока не добрался до большого затылочного отверстия, через которое спинной мозг соединялся с головным. Однажды по телевизору Ефрем видел передачу о культуре древнего Египта. В ней жрицы после смерти знатного вельможи бальзамировали его тело – вынимали сердце и печень, аккуратно закладывали в отдельные сосуды, а головной мозг вынимали специальными крючками через ноздри. Такие методы казались Ефрему слишком садистскими и очень муторными. Из кухни он принёс длинную чайную ложку. Крепко зажав лысый череп между ног, Ефрем просунул ложку в спинномозговое отверстие и начал размешивать содержимое черепной коробки. Через пару минут он развернул череп шейей вниз, и, ударяя по затылку, стал вытряхивать перемешанное серое вещество снова в унитаз. Подобные манипуляции с ложкой и вытряхиванием он повторил ещё несколько раз. Приложив голову к своему уху, как большую морскую раковину, он её потряс и прислушался. Теперь вроде бы пусто.

К самому лицу на черепе он прикоснуться не смог – сковал необоснованный страх и отвращение. Бритый череп жены был правильной формы и выглядел очень привлекательно. На какое-то мгновение Ефрем задумался даже, что его можно было бы заспиртовать в банке и поставить на полку как интересный экспонат, но делать этого не стал, а просто кинул голову в ванну к пузырящимся и пенящимся в едкой жидкости костям в надежде, что его разъест и так.

Даже после смерти жена не давала Ефрему покоя. Эта ненависть к возне с Женькиным трупом только подкрепила в нём желание продолжать, как бы морально тяжело и неправильно это ни было. С удивлением Ефрем заметил, что разделка человеческой туши не вызывала у него каких-то глубоких моральных терзаний и противоречий. Возможно, сказался накопленный стресс от жизни с нелюбимым человеком и эмоциональное выгорание. Странно, но даже возможность быть кем-то замеченным или навести на себя подозрение не так сильно пугала его, как он

себе это представлял. Единственное, что сейчас его подталкивало к решительным действиям, это желание поскорее закончить эту рутинную работу.

Спать Ефрем лёг очень поздно. Он сомкнул глаза часа на три, а после встал и решил заниматься варкой холодца. Четыре больших алюминиевых кастрюли, которые он принёс из гаража, как раз вместили всю порезанную плоть. Чтобы заглушить неприятный запах человеческого мяса, в кастрюлю он засыпал побольше лаврового листа и чёрного перца. Уже после обеда варево было готово. Готовый продукт поместился в пятнадцати банках. Таким образом Ефрем собирался пронести на городскую свалку части трупа, не вызывая сильных подозрений.

С костями кислота справилась хорошо. Белые фрагменты ребер, рук, ног, таза и позвоночника сияли своим блеском, воняли едким химозным запахом и бальзамическим ароматом прелого мяса, как в мастерской таксидермиста. Страшно выглядело не разьевшееся до конца лицо изуродованного черепа. Череп уже перестал представлять хоть какое-то подобие Женькиного лица. У него впал нос, вытекли глаза, а кожа вспучилась, покрылась струпьями и слезала с кости как детский сопливый лизун. Ефрем снова взял длинную чайную ложку и начал соскребать отставшее от лица мясо в отдельную банку. Когда он это делал, вместе с отскобленными щеками на пол ванной упала Женькина челюсть, узкая и облезлая. Ефрем поднял её и долго всматривался в ровный забор белых зубов, тупые крючки венечных отростков. Большим пальцем он провёл по тыльной стороне нижнего ряда зубов. На пальце осталась отвисшая гармошка побелевших от химии дёсен. Страх исчез, осталось только отвращение. Чтобы хоть как-то его перебороть, Ефрем подставил отпавшую челюсть к черепу и начал шевелить, приговаривая:

– Мари-и-ин, я щас в новый бутик зашла, там такие скидки, у меня прям челюсть отпала!

Потом он развернул череп в противоположную сторону и стал отвечать воображаемому собеседнику:

– Да, Женька, я там такое бра классное купила, просто отвал башки!

Осознав, что только что поставленная сцена никакой радости у него не вызывает, Ефрем с силой кинул облезлый череп в таз и снова залил его кислотой. Накопленная усталость не давала вырываться наружу почти никаким чувствам и переживаниям.

Пока закрученные банки с холодцом остывали, Ефрем выложил из ванны и протёр все белые кости.

«Отбелить ещё разок не помешает», – подумал про себя Ефрем. Весь белый скелет он как конструктор выложил на клеенке в зале. Ефрему лень было собирать в кучу маленькие кубики костяшек и фаланг пальцев, поэтому он просто высыпал их рядом и сел в кресло перед скелетом на полу.

Маленькие косточки ещё можно было раскидать по лесам и рекам, часть незаметно вынести на свалку или просто выкинуть в урну. Что делать с большими костями он понятия не имел, но с наслаждением подумал, насколько теперь освободится его жизненное пространство, когда он соберёт всю эту гору Женькиных шмоток, клубков, пялец и стопок журналов для сраного вязания, которым она никогда не занималась, обольёт это бензином за гаражом и спалит к чертовой матери, чтобы захламленная всяким говном квартира стала хоть немного попросторнее.

Вся эта долгая возня окончательно вбила в голову Ефрема чувство бесконечной тоски и апатии. Он уже было подумал, не лучше ли будет убежать от всего этого куда-то подальше, в дикие дебри тайги, выкопать землянку и жить в ней до конца дней своих, под толстым слоем зелёного мха, стрелять в лесу диких зверей

и ловить рыбу. Потом он понял, что все эти мысли нужно поскорее выбросить из своей головы. Депрессия навеивается от усталости и долгого отсутствия нормального сна. Ефрем взял себя в руки и снова вернулся к насущному вопросу избавления от тела. Все его остатки нужно было вынести, причём вынести так, чтобы никто, особенно назойливый сосед, даже не видел, что он что-то выносит.

Ефрем почти был уверен, что Аким всегда наблюдает за его семьёй, слишком часто суёт нос не в свои дела, подслушивает их с Женькой разговоры, а может и прямо сейчас стоит у своей стены и пытается понять, что за возня происходит на кухне и в ванной соседа. Вместе с усталостью в голову начала пролезать паранойя.

«Вдруг он что-то слышал той ночью? Тогда почему не позвонил в полицию? Не пошёл в участок, не высказал всем свои подозрения... Может, потому что у него нет весомых на то оснований? И где он был вообще в момент убийства?»

Пока Ефрем размышлял, его взгляд остановился на статуэтке Пеликена, которая была притащена женой неизвестно откуда и стояла за стеклом серванта с самого дня их заселения.

Ефрем встал с кресла, перешагнул через кости и достал из серванта это мифическое пузатое божество кремового цвета, повертел его в руках. На постаменте статуэтки имелась наклейка с надписью: «Уэленская косторезная мастерская».

«Значит, кость, – подумал Ефрем. – Интересно, чем вырезают эти фигурки из кости?»

Ефрем посмотрел на скелет жены и взял в руки плечевую кость. Она была ещё сырой, пористой у оснований, но в центре крепкой и гладкой, сияя своей белизной. Ефрем достал нож и стал скрести по кости кончиком лезвия, нацарапав на нём слово «хуй».

«Нет, очень долго и сложно, – подумал он. – Может, позвонить в эту мастерскую и спросить, не покупают ли они кости для своих поделок? И что, если послать им по почте ящик костей и на всякий случай указать другой адресат отправителя?». Поразмыслив над этим, Ефрем понял, что и такой вариант не пройдёт – на почте необходимо оставлять свои паспортные данные.

6

Послеобеденный полдень выдался на редкость тёплым для этой ранней весны. На улице уже чирикали первые весенние птицы, яркое солнце не морозило, а слегка согрело, подтапливая свисшие с крыши снежные шапки.

Аким сидел на порожках дома, смоктал губами сигарету и вдумчиво смотрел на сарай внутреннего двора, такие же покосившиеся и прогнившие как и сам дом, в котором он проживал. Звук хлопнувшей двери подъезда его испугал. Он подскочил от испуга и усталился на выходящего на улицу Ефрема с большим походным рюкзаком за спиной.

– Здорово, сосед! – протянул Аким руку Ефрему, как-то хитро сощурил глаза и покосился на большой рюкзак за спиной. – Не рановато ли для похода?

– Привет, – нехотя отозвался сосед. – В самый раз. Погода хорошая.

– И всё же, куда путь держишь? – не унимался Аким.

– А ты чего не на работе?

– Так у меня отпуск, уже два дня как... Ну так это, куда путь держишь?

– Да на лыжах пойду, – стараясь сохранять непринуждённость, отвечал Ефрем.

– А рюкзак такой большой зачем?

– Рюкзак? Ааа, этот рюкзак... Это так... балласт. Просидишь зиму в четырёх стенах, а потом стариком себя ощущаешь. А рюкзак с грузом надел, совершил марш-бросок по лесам и снова школьные годы почувствовал.

– Вот это ты здорово придумал! – потёр руками Аким. – А напрошусь-ка я с тобою вместе-то, на лыжи!

– Сиди дома, Аким, я далеко еду. Быть может, даже с ночёвкой останусь.

– Так ты палатку взял? И молчишь?

– Что мне говорить?

– Как это «что»? – удивился Аким. – Бери палатку, старый друг, встаём на лыжи и айда в лес за приключениями!

Не дожидаясь ответа соседа, Аким кинулся к своему гаражу и стал откидывать ногами снег от покосившихся заметённых ворот. Его душу переполняла эйфория и восторженность от такой замечательной возможности вновь наладить теплые отношения со старым товарищем.

Ефрем сильно насторожился от такой активности соседа. Он вообще не понимал, почему Аким проявляет к нему такой интерес и снова начал что-то подозревать. Хотелось послать куда подальше эту назойливую муху и молча убежать, но такое поведение, скорее всего, вызовет у Акима ещё больше подозрений.

Растерявшись от подобного внезапного поворота событий, Ефрем выругался про себя и пошёл открывать свой гараж. Пока Аким копался у себя, Ефрем поставил на пол рюкзак, протиснулся между машиной и захлапленными стенами своего гаража, добрался до антресолей старого серванта, сдул пыль с коробки своих лыжных ботинок и вытащил деревянные лыжи и палки из перекопанных прохудившейся крыши наверху. Вспомнив про рюкзак, Ефрем уж хотел незаметно вытащить из него банки с маринованным салом и действительно положить на их место палатку, но крик готового к поездке соседа вспугнул его, и он оставил эту затею. Раздраженный Ефрем выкинул с гаража лыжи с палками, неохотно переобулся, снова закинул за плечи свой тяжёлый рюкзак и закрыл ворота.

Пока мужчины покидали черту города и вышли на лыжню, ведущую в сторону сплошной зеленой стены таёжного леса, Ефрем уже успел десять раз пожалеть, что не дал в Аким в морду. Тяжеленный рюкзак с каждым шагом всё сильнее придавливал его к земле. Он не рассчитывал на такую тёплую погоду сегодня, и обильно потел под толстыми слоями термобелья, свитера и зимней куртки. От усталости приходилось останавливаться всё чаще, делая долгие перекуры и перевалы на отдых.

– Что, сосед, хватку совсем потерял, а? – ещё только больше раздражал резкий Аким. – Обленился за зиму, мышцы совсем расслабились?

– Ага, – напряженно выдохнул Ефрем.

– Ты кирпичей в свой рюкзак наложил, что ли? Смотрю я, совсем он у тебя нелёгкий, идёшь тяжело.

– Есть такое, – сказал уклончиво Ефрем, скинул рюкзак в сугроб и сел на ближайший пенёк отдохнуть.

– Эх, надо было домой сходить, воды хотя бы взять. Без неё совсем беда... – сказал Аким. – Ты хоть поешь чего в дорогу взял?

– Ну, так...

– Слушай что! Я по осени с моим токарем Андрюхой на охоту в эту сторону ехал. Тут километрах в пятнадцати сторожка же охотничья есть, помнишь? Можно будет воды в ведре натопить, приготовить чего из запасов твоих, переночевать. Если поднажмём, то ещё засветло там будем, заодно и переночуем! Как тебе?

– Аким, да ты ебанулся! – не выдержал Ефрем. – Я не попрусь в тайгу за двадцать километров, у меня уже спина рассыпается! Сейчас отдыхаем и обратно.

– Это несерьёзно, – весело покачал головою Аким. – Только к лесу – и сразу назад? Может, присыпем пока рюкзак с твоей палаткой здесь, за деревом, а утром вернемся и его заберем? А еду ко мне переложим. А то дома сидеть уже сил никаких нет! Хочется ведь тоже развеяться, так сказать, вырваться из города, воздухом подышать.

– Ну а мне совсем не хочется. Мне на работу завтра.

– А как же ты тогда с ночёвкой ехать собрался? Что-то ты темнишь, дружище!

– Ничего я не темню. Палатку на всякий случай взял. Мало ли, вдруг форсмажор какой. Всегда предусматриваю.

– Ну, хочешь, я твой рюкзак понесу? – вызвался Аким. – Проеду половину пути, ты отдохнёшь пока, воздухом подышишь.

Ефрему уже ничего не хотелось. Он устал и выдохся. Он и сам успел уже подумать об охотничьей сторожке. Она стояла в лесной глуши на берегу реки, в которой можно было бы вырубить прорубь и утопить банки, но идею ехать туда он отбросил, потому что решил, что с таким грузом он до неё не дотянет.

– Кстати, чего ты один в лес пошёл, а Женьку и не взял? – просил мимоходом Аким.

Ефрем уже был готов к такому вопросу.

– Нет у меня больше жены. Собрала свои вещички и уехала... К родственникам, в общем, в другой город.

– Вон оно как... – произнёс Аким и на секунду приуныл, как бы выражая этим своё соболезнование. – Куда-то в деревню глухую?

– В город же, говорю.

– Она же сирота. Какие у неё родственники, и в каком городе?

– А тебя это так сильно волнует?

– Да так... – оправдывался Аким. – Просто подметил.

– Мне плевать. Понял? Просто похуй. Уехала, ну и пусть катится себе, и не возвращается вообще.

– И что, думаешь, окончательно всё? – неуверенно спросил Аким.

– И бесповоротно, – смотрел куда-то вдаль Ефрем, стараясь не поворачивать голову к Акиму.

– Вообще никаких чувств?

– Да, вообще.

Возникла небольшая пауза. Аким решил, что раз уж пошёл такой расклад событий, то можно было бы расспросить об их былых отношениях подробней.

– Слушай, а как она была вообще? Ну, в постели...

– Заебись, – бодро, но резко отрезал Ефрем.

Это подогрело интерес Акима и разожгло его желание расспрашивать дальше.

– А она же рожала, да? У вас ведь ребёнок был... Долго он прожил-то, бедняга?

– Неделю, – угрюмо произнёс Ефрем.

– Горевали?

Ефрем от злости снова сжал кулаки, но сдержался и промолчал.

– Кесарево делали, наверное, чтобы вытащить?

– Сама родила, – отвечал Ефрем, не понимая, почему он вообще это обсуждает с Акимом.

– И как она, поменялась после этого?

– В каком плане?

– Ну, сиськи обвисли, наверное... – вкрадчиво спрашивал Аким, теперь уже и сам стесняясь смотреть Ефрему в глаза.

– Нет... Не заметил как-то.

– А вагина растянулась?

– Не знаю, – подкатил глаза Ефрем, скрипя зубами.

– Хуй не проваливался? Нормально ебать было? Мышцы хорошо вагинальные работали?

– Да нормально у неё всё, чего ты доебался!?

– А у самого хуй нормально стоит?

Ефрем поднял голову и с кипящей ненавистью глянул на Акима.

– Я не пойму, чё тебе надо от меня?

– Да так... – потупил Аким свой взгляд. – Мне вот интересно, есть ли какие-то отличия во время секса с женщиной до рождения ребёнка и после? Ну и психологическая сторона интересна. Ты вот как себя чувствовал после того, как она родила? Нормально ли было туда же ебать, откуда ребёнок вылез? Чувствовал какой-то дискомфорт?

– Что ты несёшь вообще? – скривил Ефрем лицо. – Я вообще об этом не думал.

Потом он подумал ещё немного, и добавил:

– Так-то да, после рождения секс уже не тот. Хотя... Не из-за родов, скорее. Оно же там затягивается всё со временем.

– Ну знаешь... Как бы, это самое... дерево уже принесло свой плод и всё такое... Наверное, уже не так интересно после этого ебать, вот и хуй не стоит.

– Да нормально у меня хуй стоит, отъебись!

– Да ладно, ты не подумай, я не пидор какой, просто узнать было интересно...

А то соседи с тобой, общаемся за всякие мужицкие дела, а личной жизни никогда и не обсуждали.

– На то она и личная жизнь, чтобы её не касались остальные.

– Это тоже верно. Но всё равно, странно это. Живём рядом уже сколько, а я так мало о жизни вашей знаю... А потом вы так вот разбежались, и всё тут...

Ефрем вскочил на ноги:

– Слушай, я не хочу это обсуждать, ясно? Не интересно мне, и если я не хотел посвящать тебя в свою личную жизнь, то значит, что не надо влезать, понял?

– Да понял, понял... – примирительно и спокойно ответил Аким. – Ты не бодайся со мной, Ефрем, я ж по-дружески. Просто хотел узнать, как дела у вас, чем живёте, всё-таки не чужие же люди.

Последние слова Акима каким-то странным образом немного успокоили Ефрема. Он снова сел и выдохнул. После небольшого отдыха путь к охотничьей сторожке уже не казался ему таким уж страшным и непреодолимым. Стоило только переждать когда уснёт Аким, отнести банки к реке, а вместо них напихать в рюкзак дров.

– Ладно, забыли, – сказал он. – Это от расставания стресс в последнее время вылез. Надо бы мне и вправду немного проветриться. Чёрт с ними, с делами.

– Вот, и я ж о чём! – Оживился Аким. – Надо, это точно надо! А то такой угрюмый ходишь, что и смотреть на тебя страшно. Отдыхать нужно иногда.

Ефрем снова поднялся, отряхнулся и взвалил на тебя тяжелый рюкзак.

– Ты бы мне часть груза переложил, ехалось бы легче.

– Нет уж, – ответил Ефрем. – Если хочешь повезти, то вези всё сразу.

– Давай половину пути я повезу, а потом опять ты?

На том и сошлись.

Высокие сугробы снежной тайги ослепительно ярко сияли от клонящегося к горизонту солнца, которое стало стремительно тонуть в пришедших с севера тучах. Последние желтые лучи контрастно разрезались широкими стволами вековых лиственниц, между которыми петляла накатанная дорожка туристической лыжни. Ветер шумел в верхушках деревьев, а хвойные стволы тяжело скрипели под его напором. За время пути Ефрем даже немного отдохнул и расслабился, полной грудью вдыхая приятный хвойный запах бескрайнего леса.

Вскоре тучи окончательно заслонили солнце, и холодный северный ветер всё крепчал. Погода портилась. К этому моменту последняя лыжня леса оборвалась и повернула обратно, и лыжники стали пробиваться прямо через сугробы в густую тень сумеречного леса. Когда на улице уже всюду бушевала метель, Аким и Ефрем добрались до старого зимовья охотников. Это был самодельный вагончик на огромных железных санях из труб с маленьким окошком на торце, обитый толем по стенам и листами железа на крыше. У одной из стен зимовья валялось несколько чурбанов распиленной лиственки и ржавый воткнутый топор. Пятачок у двери вагончика был наскоро очищен от снега. Вокруг имелось несколько следов уже почти заметенных человеческих ног, а от самого порога куда-то вглубь тайги шли трудноразличимые широкие борозды охотничьих лыж.

В сторожке никого не было. Видимо, давний её путник – случайный охотник – совершал глубокий рейд в тайгу, чтобы хорошенько поохотиться. Он переночевал в жилище и двинулся дальше, на поиски дичи. Если он не явился сюда в непогоду на ночёвку, значит, он уже давно вернулся в город другим путём.

Ефрем посветил тусклым брелоком-фонариком по углам сторожки. Комната маленького зимовья была грязной и захлавленной, с кучей мусора на полу. На двух самодельных нарах у стен лежали замусоленные лохмотья, которые, видимо, когда-то были матрасами. Между двумя нарами под окном стоял небольшой обеденный столик с тумбочкой. На столике блестели высохшие и давно немывтые алюминие-

вые миски, эмалированные кружки, лежало пару вилок. У входа прибита вешалка с забытым кем-то давно армейским брезентовым дождевиком и черной кепкой. Под вешалкой валялось несколько обломанных сухих сучьев и стояло железное ведро, полное чёрных перьев общипанного тетерева с засохшими каплями крови. С другой стороны от входа была пузатая чугунная буржуйка с поднимающейся к потолку трубой. На буржуйке стоял чайник и керосиновая лампа, которую Ефрем зажгёт и повесил посреди комнаты на прибитый к потолку крючок. Комнату осветило тусклым тёплым светом. Ефрем устало скинул с плеч свой рюкзак и опустился на нару. Аким начал копаться в тумбочке, достал жёлтую пачку рассыпного чая, банку со слежавшимся в камень сахаром, пакетик с лавровым листом, закопчённую кастрюльку, железную банку из-под кофе, на четверть заполненную перловой крупой.

– Тоже мне, туристы... – с тоскою вздохнул Аким. – В тайгу поехали, даже воды бутылку не взяли! У тебя там в рюкзаке есть что-то съестное?

– Ничего нет.

– Как нет?! Что же мы есть будем?

– Ничего не будем, – ответил Ефрем. – За двое суток, поди, с голоду не умрём. Если жрать так сильно охота – свари себе перловки в кастрюле.

После этих слов Ефрем взял чайник, с порога плотно набил его свежавыпавшим снегом и поставил на печку:

– Чайку на ночь попьём и спать. Надо сил набраться, завтра ещё назад идти весь день. Пособирай здесь щепки с мусором, растопи печь, а я пошёл на улицу, дров на ночь нарублю.

На улице разыгралась серьёзная метель, будто и не было совсем никакой весны. Сильный ветер надувал за шиворот колючий снег, кружил белую позёмку и напористо гудел. Ефрем первым делом решил обойти округу и посмотреть, в каком месте здесь можно выкинуть банки. Он снова достал свой маленький фонарик, сориентировался и вышел к реке, лёд которой сейчас был заметён белым полотном. Уже через пару недель, когда вода талого снега заполонит эти леса и долины, бурные речные потоки смоют оставленные на льду банки и навеки сотрут всякую память о них.

Ободрённый своими мыслями, Ефрем довольно улыбнулся и пошёл обратно к сторожке, из печной трубы которой уже метался во все стороны серый дым разожженного огня. Ефрем откопал присыпанный снегом колун и стал рубить прихваченные ледяной коркой поленья. Нарубив несколько пеньков, он взял в руки большую охапку, открыл дверь в сторожку и застыл на пороге.

Прогревшаяся от тепла лампа на потолке теперь давала больше света. Свет от огня из раскрытой дверцы растопленной буржуйки квадратом падал на пол, где в беспорядке валялся выпотрошенный рюкзак Ефрема с банками закрученного сала. Рядом с рюкзаком на краю нары сидел Аким. Он держал на коленях вскрытую ножом банку и хлебал из её горла застывшее желе холодца. Он поднял голову и встретился взглядом со стоявшим на пороге Ефремом. Возникла секундная пауза, после которой Аким оторвался губами от банки, вытер рукавом жир и стонущим голосом завыл:

– Ефрем, ну ты какой-то прям садист, ей-богу! Годовой запас студня за спиной таскает, а меня голодом вздумал морить! Скажи, вот это по-товарищески?

– Аким, поставь банку на место... – одними губами пролепетал Ефрем.

– Не дам! Хоть убей меня тут, банку не отпущу! – взбунтовался Аким, вилок подцепил большой кусок мяса и засунул его в рот. – Я... жрать хочу, понимаешь?! – говорил он с полным ртом и струйки топленого жира текли по его подбородку. – Да, я тоже веду себя как свинья, вскрыл твой рюкзак без разрешения, но если тебе

запахло с другом холодцом поделиться... если тебе жалко для меня пару кусочков, какой ты друг после этого? Оставь ты себе эти банки, а вскрытая уже моя, я её съем, а как приедем домой, я тебе деньги за неё отдам, если ты не хочешь по-товарищески.

Ефрем прикрыл за собой дверь, аккуратно скинул дрова у печи и сел на соседнюю нару.

– Ну, как? – осторожно спросил он. – Вкусно?

– Ой, господи, – не зная себя от счастья, жадно давился мясом Аким, сгрызая зубами мякоть с пожелтевшей щетинистой кожи, по видимому, отрезанной от икр ног. – Какое нежное, какое сладкое и приятное! Корешу твоему из деревни уважение от меня за такую свинину, а вот обсмалить можно было бы и лучше. Уж кожа колючая больно. И да, кто так мясо готовит? Долго так оно у тебя не простоит, если соли будешь жадничать. Но ничего. Я тут нашёл вот, – Аким достал из кармана замусоленный пузырёк, засунул в него два пальца и насыпал соли прямо в горлышко банки. – И да, кстати, зачем ты столько мяса с собой в тайгу попёр? Если б я тебя не знал, то я бы подумал, что ты в тайге всю весну собрался куковать.

– Какой был балласт в квартире, такой и взял... – задумчиво ответил Ефрем.

– Балласт очень полезный, – продолжал есть Аким. – Но вот что ты от меня его зажопил, я тебе этого не прощу!

От всей нелепости ситуации Ефрем засмеялся. Вновь начавший было тяжелесть камень упал у него с души, словно тайна, которую он хранил так долго, и которая казалась ему такой пугающей и ужасной, оказалась совсем не страшной. Как бы поддерживая товарища, Аким тоже нелепо начал хохотать, ел и копался вилкой в банке, пока не вытащил из неё большой кусок Женькиной груди с коричневым соском посередине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.